

A romantic scene of a young couple walking away from the camera on a stone path. The woman is on the left, wearing a light-colored, sleeveless dress and a wide-brimmed hat. The man is on the right, wearing a grey t-shirt and shorts. They are looking out over a vibrant blue sea towards a coastal town built on a rocky cliffside. In the background, there are rolling hills and mountains under a clear sky. A small boat is visible on the water. The scene is framed by a wooden post with a lantern on the left and a building on the right.

Юай Чоксахват

После Ялты.

Юай Чоксахват
После Ялты.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

После Ялты. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

Курортный город кажется местом, где всё временно: прогулки, разговоры, случайные взгляды и обещания, которые никто не собирается проверять. Он давно привык к таким встречам. Она тоже не ждёт, что несколько дней на берегу изменят её жизнь. Но лёгкий роман внезапно становится тем, от чего невозможно отмахнуться. После возвращения домой привычная жизнь продолжает идти, только теперь в ней всё кажется чужим. «После Ялты» — тихая история о позднем чувстве, честности и двух людях, которые впервые не могут обмануть самих себя.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

После Ялты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Юай Чоксахват После Ялты.

После Ялты

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

I

Поговаривали, на набережной объявилась новенькая: женщина со шпирцем. Дмитрий Дмитриевич Гуров, который уже две недели как осел в Геническе и успел тут освоиться, тоже заинтересовался свежим лицом. Сидел он в летнем кафе "У дяди Вани", когда заметил, как по набережной прогуливается молодая женщина, невысокая блондинка, в светлой панаме; за ней семенил белый померанский шпирц.

Потом он не раз встречал её в городском парке и сквере. Всегда одна, в той же панаме, с белым шпирцем; никто не знал, кто она такая, и звали её просто: женщина со шпирцем.

«Если она тут одна, без мужа и знакомых, – подумал Гуров, – познакомиться не помешает».

Ему еще не было сорока, но у него уже росла дочь-подросток и двое сыновей учились в лицее. Женился рано, на втором курсе университета, и сейчас жена казалась старше его лет на десять. Высокая, с темными бровями, всегда прямая, важная, солидная и, как она любила говорить, «думающая». Много читала, писала грамотно, но мужа называла полным именем – Дмитрий, а не Димой, как все. Он же втайне считал ее занудой, недалекой, неинтересной, побаивался ее и старался дома бывать поменьше. Изменял он давно и часто, и, наверное, поэтому о женщинах отзывался почти всегда нелестно. В разговорах о них он обычно бросал:

– Слабый пол!

Ему казалось, что горький опыт научил его называть вещи своими именами, но без этого «слабого пола» он не мог прожить и двух дней. В мужском обществе ему было скучно, не по себе, он становился молчаливым и холодным. Но среди женщин он чувствовал себя свободно, знал, о чем говорить и как себя вести; даже молчать с ними было легко. В его внешности, в характере, во всей его натуре было что-то притягательное, неуловимое, что располагало к нему женщин, манило их; он знал об этом, и какая-то сила влекла его к ним.

Опыт, и правда горький, давно научил его, что любое сближение, которое поначалу так приятно разнообразит жизнь и кажется милой и легкой интрижкой, у приличных людей, особенно у москвичей, тяжелых на подъем и нерешительных, неизбежно превращается в сложную задачу, и положение в конце концов становится невыносимым. Но при каждой новой встрече с интересной женщиной этот опыт куда-то пропадал из памяти, и снова хотелось жить, и все казалось таким простым и забавным.

И вот однажды вечером он ужинал в летнем кафе, когда дама в берете не спеша подошла, чтобы занять соседний столик. Ее вид, походка, одежда, прическа говорили о том, что она из хорошей семьи, замужем, в Ялте впервые и одна, и ей тут скучно... В рассказах о распущенности местных нравов много лжи, он презирал их и знал, что такие истории в основном сочиняют те, кто сами бы не прочь согрешить, если бы умели. Но когда дама села за соседний столик в трех шагах от него, ему вспомнились эти рассказы о легких победах, о поездках в горы, и соблазнительная мысль о короткой, мимолетной связи, о романе с незнакомкой, чьего имени и фамилии ты не знаешь, вдруг овладела им.

Он ласково подозвал к себе шпирца и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпирц заворчал. Гуров снова погрозил.

Дама взглянула на него и тут же опустила глаза.

– Он не кусается, – сказала она и покраснела.

– Можно дать ему кость? – И когда она утвердительно кивнула, он приветливо спросил:
– Вы давно в Ялте?

– Пять дней.

– А я уже вторую неделю дотягиваю.

Помолчали немного.

– Время летит быстро, а здесь такая тоска! – сказала она, не глядя на него.

– Это только так говорят, что здесь скучно. Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре – и ему не скучно, а приедет сюда: «Ах, скучно! Ах, пыль!» Как будто он из Гренады приехал.

— Вечно ноют, что тут скука смертная. Сидят в своих Мухосрансках, и им норм, а как сюда попадут: «Ой, скучно! Ой, пыль столбом!» Как будто с Лазурного берега приехали.

Она тихонько рассмеялась. Потом они молча доели, как будто незнакомые люди, но после обеда пошли рядом по набережной, и завязался легкий, шуточный разговор двух свободных людей, которым всё равно, куда идти и о чём болтать. Они шли и обсуждали странный свет над морем: вода была нежно-сиреневого цвета, мягкая и тёплая, и от луны тянулась золотая дорожка. Говорили о духоте после жаркого дня. Гуров рассказал, что он из Москвы, по образованию филолог, но работает в банке, когда-то мечтал петь в опере, но бросил, у него в Москве две квартиры... А она рассказала, что выросла в Питере, но вышла замуж и теперь живёт в Энске уже два года, что пробудет в Ялте ещё месяц, и, возможно, за ней приедет муж, которому тоже нужен отдых. Она никак не могла толком объяснить, где именно служит её муж – в областной администрации или в областном земстве, и сама над этим смеялась. И ещё Гуров узнал, что её зовут Анной Сергеевной.

Потом, у себя в номере, он думал о ней, о том, что завтра они наверняка снова встретятся. Так и должно быть. Засыпая, он вспомнил, что она совсем недавно была студенткой, училась, как сейчас его дочь, вспомнил, сколько ещё наивности и неловкости было в её смехе, в разговоре с незнакомым человеком. Наверное, это первый раз в жизни она одна, в такой обстановке, когда за ней ухаживают, на неё смотрят и говорят с ней с тайным умыслом, о котором она не может не догадываться. Вспомнил её тонкую, хрупкую шею, красивые серые глаза.

«Всё-таки есть в ней что-то жалкое», – подумал он и провалился в сон.

II

Прошла неделя после знакомства. Был праздничный день. В номере было душно, а на улице вихрем носилась пыль, срывало кепки. Весь день хотелось пить, и Гуров то и дело заходил в кафе и предлагал Анне Сергеевне то лимонад, то мороженое. Скрыться от жары было негде.

Вечером, когда немного стихло, они пошли на пирс посмотреть на прибытие катера. На причале было полно гуляющих, кто-то ждал прибытия, держали цветы. И сразу бросались в глаза две особенности нарядной ялтинской толпы: дамы в возрасте одевались как девочки-подростки, и было много военных.

Из-за волнения на море катер пришёл с опозданием, уже после заката, и долго маневрировал, прежде чем причалить. Анна Сергеевна смотрела в бинокль на катер и на пассажиров, будто выискивая знакомых, и когда поворачивалась к Гурову, глаза у неё блеснули. Она много говорила, задавала отрывочные вопросы и тут же забывала, о чём спрашивала, а потом потеряла в толпе свой бинокль.

Нарядная толпа расходилась, лица уже не были различимы, ветер совсем стих, а Гуров и Анна Сергеевна всё стояли, словно ожидая, не сойдёт ли ещё кто-нибудь с катера. Анна Сергеевна молчала и вдыхала аромат цветов, не глядя на Гурова.

— Вечером погода стала лучше, — сказал он. — Куда теперь пойдём? Может, прокатимся куда-нибудь?

Она ничего не ответила.

Тогда он внимательно посмотрел на неё, вдруг обнял и поцеловал в губы, и его обдало запахом и влагой цветов, и он тут же испуганно огляделся: не видел ли кто?

— Пойдём ко мне... — тихо проговорил он.

И они быстро пошли прочь с пирса.

Оба быстро направились к её номеру.

В комнате было накурено и жарко, пахло какими-то сладкими духами из "Золотого Яблока". Гуров, глядя на неё, подумал: "И чего только в жизни не бывает!" В памяти всплывали прежние связи: беззаботные, простые женщины, радующиеся любви, благодарные за короткое счастье. И такие, как жена – любящие неискренне, с лишними словами, манерно, с истериками, словно это не любовь, а что-то большее. И еще две-три, очень красивые, холодные, в глазах которых мелькало хищное желание вырвать у жизни больше, чем она может дать. Не первой молодости, капризные, неумные, властные. Когда Гуров терял к ним интерес, их красота вызывала в нём раздражение, а кружева на белье казались чешуей.

А тут – та же несмелость, угловатость юности, неловкость. Растерянность, как будто кто-то внезапно постучал в дверь. Анна Сергеевна, эта "женщина со спицей", восприняла случившееся слишком серьёзно, как личное падение. По крайней мере, так казалось. И это было странно и неуместно. Лицо осунулось, вдоль щек печально свисали длинные волосы. Она сидела в унылой позе, как грешница на старинной картине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.